

Д.А. Аманжолова¹

**ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА СРЕДНЕЙ АЗИИ
И КАЗАХСТАНА: ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ
И ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ, ВКЛАД
В СОВЕТСКУЮ МОДЕРНИЗАЦИЮ**

Аннотация. Перипетии становления этнополитической элиты региона связаны с многослойным содержанием советского опыта модернизации, а ее позиционирование на разных этапах этого процесса являлось частью социальной реструктуризации и адаптации традиционных обществ в новом административно-территориальном и политическом пространстве. Повторяющийся в литературе тезис о вынужденных действиях большевиков по рекрутированию лояльных власти представителей традиционной элиты, коренизации и беспримечному контролю Центра над всеми группами и поколениями национальных лидеров и обществ стоит дополнить исследованием роли элиты как субъекта модернизационного проекта. Важно также обсудить причины, историческую динамику и последствия внутриэлитной группировочной борьбы и неформальных механизмов власти.

Ключевые слова: этнополитическая элита, Средняя Азия и Казахстан, советское национал-строительство.

Д.А. Amanzholova²

**THE ETHNOPOLITICAL ELITE OF CENTRAL ASIA
AND KAZAKHSTAN: PROBLEMS OF FORMATION
AND POSITIONING, CONTRIBUTION TO THE SOVIET
MODERNIZATION**

Abstract. The vicissitudes of the formation of the ethno-political elite of the region are associated with the multilayered content of the Soviet experience of modernization, and its positioning at various stages of this process was part of

¹ Дина Ахметжановна Аманжолова, д-р ист. наук, профессор, г.н.с., Центр истории народов России и межэтнических отношений, Институт российской истории РАН, Москва, Россия, e-mail: amanzholova19@mail.ru

² Dina Akhmetzhanovna Amanzholova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: amanzholova19@mail.ru

the social restructuring and adaptation of traditional societies in the new administrative-territorial and political space. The thesis repeated in the literature about the forced actions of the Bolsheviks to recruit representatives of the traditional elite loyal to the government, the rooting out and unprecedented control of the center over all groups and generations of national leaders and societies should be supplemented by a study of the role of the elite as a subject of the modernization project. It is also important to discuss the causes, historical dynamics, and consequences of intra-elite group struggles and informal power mechanisms.

Keywords: ethnopolitical elite, Central Asia and Kazakhstan, Soviet nation-building.

Роль этнобюрократии в становлении советской модели федерализма была весьма активной. История ее формирования в 1920–1930-е гг. демонстрирует амбивалентный характер политики Центра, обусловленный как стремлением обеспечить устойчивость и управляемость государства, так и найти компромисс с разными поколениями и социальными группами националов, включавшимися в управленческий класс. Сложный характер внутриэтнических и внутриэлитных взаимоотношений в национальном управленческом классе оказывал существенное влияние на реализацию советского проекта в конкретных этносоциальных локусах, деятельность Центра и его представителей на местах. Это отражалось на разнообразии темпов, характере и содержании нациестроительства. Изучение элит в парадигме противостояния и конструирования образа жертвы давления и репрессий Центра явно недостаточно. Анализ поведения лидеров и этнобюрократии национально-государственных единиц раскрывает изменения в характере и методах их взаимодействия в управленческих структурах разного уровня, связанные с решением конкретных задач социально-экономического развития, финансирования, отношений с соседними регионами, межведомственными взаимосвязями, полномочиями органов власти и управления.

Советская национальная политика предполагала устройство новой системы власти и управления с предоставлением титульному населению (на основе классового подхода исключительно ранее эксплуатирувавшимся трудящимся) всех возможностей участия в ней. Крайний дефицит образованных и подготовленных кадров побудил власть к активной инкорпорации в советские и партийные структуры на местах тех представителей титульного населения, которые

проявили приверженность программе большевиков, признали их победу в военно-политическом противоборстве и проявили готовность участвовать в управлении, при этом не обязательно имея пролетарское/бедняцкое происхождение. Проявившие политическую активность до 1917 г. деятели (как правило, интеллигенция) редко имели управленческий опыт. Их оказалось явно недостаточно, что обусловило политику коренизации³. Как считает И. Оайон, служба в Красной армии и довольно редкое высшее образование были главными гарантиями лояльности советскому режиму⁴. Но в Красной армии к 1920-м гг. служили немногие представители народов региона, высшее образование имели лишь немногочисленные выходцы, главным образом из социальных верхов, и даже в руководстве республик их было крайне мало. Да и высшее образование вряд ли можно считать гарантией большевизации и лояльности. Основной состав национальной элиты в раннесоветский период отличался пестротой в образовательной и политической подготовке, социальном происхождении (специальными мерами укреплялась доля выходцев из рабочих и бедноты).

Этнические элиты восприняли коренизацию как инструмент и программу управления национально-государственными образованиями, Центр нацеливал их на общую политику и принципы советской модернизации. В разных регионах коренизация имела отличия, нередко давая преимущество титульным этносам, она вызывала недовольство русскоязычных, в том числе участников гражданской войны, чувствовавших себя незаслуженно ущемленными. Профессиональная подготовка управленцев в специальных вузах типа КУТВ, где основное внимание по необходимости уделялось общему

³ Болтонова А. История и эволюция клановой системы в политических процессах кыргызского общества (XIX–XXI вв.). Бишкек, 2013. 284 с.; Кадыров Ш. «Нация» племен: этнические истоки, трансформация, перспективы государственности в Туркменистане. М., 2003. 362 с.; Кульшанова А.А. Политика клиентелизма как один из аспектов национальной политики советского государства // Вестник КазНУ. 2011. № 1. С. 268–271; Масов Р. К вопросу о консолидации таджикского народа и таджикистанцев // Муаррих-Историк. 2015. № 3. С. 3–8; Расулова Н.С. История направленности политики Коммунистической партии Узбекистана по подготовке кадров на пропаганду советской идеологии: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 2024. 72 с. и др.

⁴ Оайон И. Родовая власть и советский государственный аппарат в Киргизской АССР в 1920–30-х годах // Социальная жизнь народов Центральной Азии в первой четверти XX века: традиции и инновации. Ташкент, 2009. С. 68.

образованию, заключалась в изучении основ большевизма и политическом просвещении⁵.

Национальный состав в структурах управления начал заметно меняться к середине 1920-х гг. Низовые работники-выдвиженцы, недавно вступившие в партию, занимали места «европейцев». К середине 1927 г. в составе рабочих троек ЦК и обкомов партии союзных и автономных республик националы составили почти одинаково в Узбекистане – 41,5 % и на Украине – 41,6, в Казахстане – 44,9 %; для сравнения: в Азербайджане – 68,7 %, Татарии – 50 %. В Казахстане при 21,6 % казахов среди членов профсоюзов в центральных профорганах их насчитывалось 32,4 %, в Узбекистане узбеки составляли 43,5 % членов профсоюзов, в руководстве – 48,1 %. В горсоветах Казахской АССР казахов было 22,2 %, тогда как в городах они составляли 13,6 %⁶. В Таджикистане в 1927–1929 гг. прошла кампания под лозунгом «Борьба батрака и бедняка в союзе с середняком против байства и за полное овладение низовым советским аппаратом».

Создание новой политической системы на невиданных ранее основах с обеспечением приоритета титульного народа не могло не породить воспроизводство привычных приемов властвования. Они использовались в условиях неустойчивых комбинаций, которые персонифицировал состав руководства республик, а альянсы внутри него основывались на личном опыте взаимоотношений, позиции по поводу конкретных управленческих решений, распределении полномочий и возможности укрепить свой статус в глазах сотоварищей, Центра и его посланцев.

Межклановое соперничество внутри правящей элиты проявлялось в процессе формирования новой иерархии партийно-государственного управления и создания соответствующей номенклатуры. Воспроизводилось деление элиты на конкурирующие группы, соответствующие традиционной иерархии и историко-географической специфике с внутриэтническими противоречиями и этносоциальными особенностями.

⁵ Аманжолова Д.А. Подготовка партийных кадров для Казахской АССР: социальная мобильность и реструктуризация общества (1920–1930-е гг.) // Вестник КазНУ. Серия историческая. 2025. Т. 117, № 2. С. 4–19; Аманжолова Д.А. О подготовке кадров управленцев в 1920-е гг.: сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. Ташкент, 2025. С. 190–193 и др.

⁶ Российский государственный архив новейшей истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 85. Д. 206. Л. 17–19.

Разногласия внутри правящего слоя и в отношениях с Москвой разворачивались по поводу распределения полномочий и средств между союзными, республиканскими и центральными ведомствами и других задач государственного строительства, в связи решением наиболее чувствительных в межнациональных отношениях проблем. Однако с самого начала обнаружилось, что любые принципиальные для нациестроительства вопросы этнополитическая элита почти всегда активно использовала и как попытки устранить явных или мнимых соперников в борьбе за властный ресурс.

Руководители-националы становились частью механизмов традиционных и советских связей. В этой ситуации руководители-«европейцы» и Центр обращали внимание на особенности характеров лидеров группировок, их карьерные и политические мотивы, межличностные отношения и социальное происхождение. Чем выше был уровень власти, тем менее существенной становилась клановая поддержка, опираться приходилось на утверждавшуюся номенклатурную иерархию и личную выслугу перед Центром. Неслучайно почти каждый из представителей республиканских элит всеми способами стремился позиционировать себя в Москве и прежде всего в глазах И.В. Сталина наиболее лояльным, сведущим, неподкупным и опытным управленцем.

Лидеры республик на местах презентовали себя и как представителей Центра, и как носителей этноцентристски ориентированных предпочтений «собственной» власти. Такая позиция определялась и развернувшимися в середине 1920-х гг. дискуссиями. 2 января 1926 г. под председательством секретаря ЦК партии В.М. Молотова в ЦК ВКП(б) секретари «тюркских» парторганизаций Казахстана, Средней Азии, в том числе Узбекистана, Киргизии и Туркмении, а также Крыма, Башкирии, Татарстана и Дагестана, обсуждали вопрос о «большевизации национальных кадров». Секретарь Средазбюро ЦК РКП(б) И.А. Зеленский признал: в недавно созданных республиках «значительные элементы внутри партии являются выходцами из буржуазного класса, преобладает особенно сильно процесс захвата власти, стремление стать ближе к командующим высотам, некоторое недоверие и недоброжелательство ...в скрытой форме есть. ... теперешний кадр работников можно разделить на две части: одна часть – те, которые сравнительно недавно пришли в партию, другая – которая фактически управляет. Как здесь нужно повернуться,

чтобы сохранить пока некоторую возможность работы с европейским аппаратом партии и советов, без чего трудно проводить работу, и в то же время не мешать коренизации аппарата и приближению его к населению». Один из выходов он видел в систематической взаимосвязи и информации о состоянии дел между Центром и парт-организациями республик⁷.

Лидеры автономий (Казахстан, Киргизия, Каракалпакия) с разной степенью активности и результативности взаимодействовали с руководством соседних союзных республик и Центром, стремясь добиться преференций, расширения полномочий, укрепления позиций в отношениях с ведомствами РСФСР. Споры сосредоточивались и вокруг статуса автономий, отношений с Центром, бюджетных возможностей и прав, хозяйственной специализации и финансирования промышленных объектов на и вне территории республик. 12 и 14 ноября 1926 г. по инициативе Отдела национальностей ВЦИК и заместителя председателя СНК РСФСР Т.Р. Рыскулова в Москве состоялось «Частное совещание националов – членов ВЦИК и ЦИК СССР и других представителей национальных окраин»⁸. Особую остроту приобрели споры о статусе республик, боровшихся за его повышение, особенно после преобразования Чувашской АО в АССР, а также вокруг распределения средств на промышленное строительство и пр. Сложные вопросы взаимоотношений Центра с национальными регионами, особенно в хозяйственной и финансовой сферах, вызывали критику, а присутствие националов в составе центральных учреждений трактовалось как ключ к решению проблем. Попытки некоторых руководителей республик и Центра создать Среднеазиатскую федерацию по примеру Закавказья не привели к успеху: союзный центр на фоне политической слабости и противоречивых внутриэлитных взаимоотношений предпочел не усложнять федеративную комбинацию региона и страны дополнительным звеном управленческой иерархии.

Социально-экономическая модернизация региона не могла быть успешной без консолидированного финансового, кадрового,

⁷ «Как вести руководство, на что ориентироваться?» Стенограмма совещания секретарей парторганизаций в ЦК ВКП(б) по вопросу о «большевизации национальных кадров». 1926 г. // Исторический архив. 2015. № 5. С. 100–125.

⁸ *Чеботарева В.Г.* Национальная политика Российской Федерации 1925–1938 гг. М., 2008. С. 44–70.

ресурсного вклада союзного центра в каждую республику, что обусловило конкуренцию элит, в том числе с использованием аргументов о приграничном положении и необходимости демонстрировать зримые успехи народам соседних стран, о предпочтительном размещении новых предприятий и транспортной инфраструктуры с противоречивым толкованием понятия и роли республик как сырьевой базы и др. В таких дебатах оформились различия в поведении представителей Центра – националов, ранее работавших в своих регионах, и руководства республик. Так, заместитель председателя СНК РСФСР Т.Р. Рыскулов, презентуя строительство Турксиба и другие масштабные проекты, хозяйственные и иные выгоды для республик, подчеркивал необходимость и приоритеты интеграции их экономик в общесоюзную. Глава отдела национальностей ВЦИК С.Д. Асфендиаров активно выступал за расширение прав и повышение статуса автономий⁹.

Приверженность идеалам большевизма (демонстративная или искренняя) не мешала стремительной бюрократизации кадров, снижению качества управленческой культуры. Карьерные и личные маршруты представителей разных поколений в составе элиты стали приобретать все более самостоятельный и весьма извилистый рисунок, а их взаимные пересечения диктовались разнонаправленными силами и факторами. Сложные коллизии в отношениях с Центром и между собой, глубокие преобразования внушали не только надежды, но и опасения. Давали о себе знать попытки не только повлиять на практические меры на местах, но и использовать имеющиеся шансы для карьеры или реализации индивидуальных интересов. При этом отношение рядовых граждан к официальным институтам власти, которое сформировалось в дореволюционный период, переносилось на новые институции. Дисциплина обычного права была обращена к тем представителям национальной среды, которые сумели обрести определенный административный и неформальный ресурс в партийно-советско-общественных организациях. Сохраняли силу родственные и клановые сети. Делегирование полномочий по защите или представлению интересов граждан происходило по обычной схеме, хотя внешне она имела иные атрибуты и символы. Социальная мимикрия получила широкое распространение, порождая двой-

⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 108. Л. 30–32.

ные стандарты – в официальной, публичной жизни и в приватной сфере отношений и ценностей. Сохраняя свою идентичность, представители элиты неформально продолжали культивировать традиционную кланово-родовую структуру организации общества и взаимоотношений в нем.

Возникновение разнообразных альянсов в составе правящего слоя республик, их реструктуризация и борьба между ними были вызваны разными обстоятельствами. Среди определяющих были устойчивые традиции консолидации этнорегиональных кланов и общая подчиненность привычной этносоциальной иерархии, которая базировалась на сохранявшихся экономических и родственных зависимостях. Важное место занимали карьерные интересы и властные амбиции, что особенно ярко проявлялось во время избирательных кампаний всех уровней, разработки и принятия решений, реализации наиболее животрепещущих социально-экономических проектов.

Наряду с множеством сложных и острых задач социально-экономического, политико-правового и культурного характера, которые приходилось решать призванным в ряды советских управленцев всех уровней, требовались огромные усилия для тщательного анализа быстро меняющейся конъюнктуры, умение гибко и оперативно перестраиваться на ходу, в том числе в отношениях с коллегами, также рисковавшими неожиданно потерять должность и чин или, наоборот, резко подняться по иерархической лестнице. Даже для не запятнавших себя сотрудничеством с «классовыми врагами» это было сильным испытанием выдержки, ума и адаптивности. Всем требовалось постоянно доказывать свою лояльность власти и ее идеологии, что заставляло некоторых вообще отказываться от советской работы и даже выходить из партии. Одной из причин разнообразных чисток была острая внутривнутрипартийная борьба с различными «оппозициями» в Центре, отзывавшаяся даже на рядовом партийно-советском составе. Вдобавок каждый ответственный работник на большинстве уровней системы управления в силу острого дефицита подготовленных кадров совмещал, как правило, несколько должностей. Наряду с колоссальной физической и умственной нагрузкой, хронической усталостью психологическое давление не могло не сказываться на поведении и настроениях людей. Это также объясняло низкое качество управления и перманентные срывы в

работе, слабую организацию, что в свою очередь давало бесконечные поводы к обвинениям в различных прегрешениях.

Регулирование иерархии отношений между управленцами во всех сферах государственной и общественной жизни, между вертикальными и горизонтальными пластами организации жизнедеятельности и ее участников обеспечивало согласованность их действий в отношении разных слоев общества, упорядоченность системы и взаимодействия внутри бюрократии. Возникла система, компонентами которой были представители номенклатуры во всех организациях, учреждениях, предприятиях, различных коллективах, политическая элита стояла над всеми ними, осуществляя включение и вывод из состава номенклатуры. В этой многослойной сети бюрократии с разными каналами контроля, дублирования и взаимодействия этнополитическая элита республик (еще более – местные аппаратчики) имела относительную самостоятельность, находясь на определенном удалении от главного центра власти.

Как подчеркивал В.В. Трепавлов, обеспечение лояльности этнических элит служит одной из основ прочности государственного строя, а все государства и народы бывшего СССР несут в себе российский вековой культурный код¹⁰. Местные элиты активно участвовали в конструировании «позитивной этничности», поддерживая власть при сохранении собственной культуры и местных традиций. Во многом благодаря коренизации при более или менее универсальном наборе инструментов удалось совместить лозунг «права наций на самоопределение» с сохранением единства государства. Но Центр не мог полностью контролировать внутриэлитные процессы. Происходило пересечение и наложение разных культурных, политико-правовых, психологических, поведенческих, бытовых практик.

С утверждением номенклатурного принципа и переходом от процентной к функциональной коренизации большевизация этнобюрократии ускорилась, в том числе через подавление группировочной борьбы. В 1930-е гг. осуществляется стандартизация принципов формирования большевистской элиты и бюрократии. Теперь от них требовалась верность идеям партии, выражавшаяся в строжайшей персональной ответственности, конкретном руководстве каждой стороной порученного дела, что заставляло руководителей

¹⁰ Трепавлов В.В. Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв. СПб., 2018. С. 253, 255.

становиться непосредственными организаторами всех этапов работы, посвящая основное время «ручному управлению» на местах. Это обусловило установку на подбор кадров, имевших опыт работы «от станка и сохи» через все ступени производственного цикла и организаторской практики. Производственные вопросы заняли львиную долю повестки дня и повседневных забот руководящих структур и управленцев всех уровней. Рост удельного веса националов-выдвиженцев наряду с репрессиями и вытеснением дореволюционной интеллигенции создавал новое качество важной части этнических общностей. Обновленная этнополитическая элита вместе с руководством страны обеспечила консолидацию и победу советского многонационального народа в Великой Отечественной войне.

Этничность пережила классовый подход. Историко-географические и этнокультурные особенности, как и административно-территориальные и организационные трансформации, определили своеобразный тип этнобюрократии, закрепили в общественном мнении образ начальника, демонстративно и на деле соединивший формальные признаки «слуги народа» с традиционными предпочтениями национальной культуры, в том числе в сфере доступного в конкретных обстоятельствах времени престижного потребления. В репертуаре властных технологий сложились гибкие и разнообразные тактики Центра и этнополитических элит, которые играли самую активную роль в формировании социально-культурного облика общества, непосредственно участвовали в создании и укреплении политической системы СССР. Центр стремился к укреплению устойчивости и управляемости многонационального государства, балансу в хозяйственном и культурном развитии республик, сохранению и развитию этнокультурного многообразия страны. Социокультурная динамика, организационно-политический опыт взаимоотношений с Центром и поведенческие модели влияли на советское строительство, обуславливая специфику власти в республиках.

Литература

Аманжолова Д.А. О подготовке кадров управленцев в 1920-е гг. // Исторический факультет Национального Университета Узбекистана – 90 лет: Центр образования и науки: сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. Ташкент, 2025. С. 190–193.

Аманжолова Д.А. Подготовка партийных кадров для Казахской АССР: социальная мобильность и реструктуризация общества (1920–1930-е гг.) // Вестник КазНУ. Серия историческая. 2025. Т. 117, № 2. С. 4–19.

Болпонова А. История и эволюция клановой системы в политических процессах кыргызского общества (XIX–XXI вв.). Бишкек: Maxprint, 2013. 284 с.

Кадыров Ш. «Нация» племен: этнические истоки, трансформация, перспективы государственности в Туркменистане. М.: б/и, 2003. 362 с.

«Как вести руководство, на что ориентироваться?» Стенограмма совещания секретарей парторганизаций в ЦК ВКП(б) по вопросу о «большевизации национальных кадров». 1926 г. // Исторический архив. 2015. № 5. С. 100–125.

Кульшанова А.А. Политика клиентелизма как один из аспектов национальной политики советского государства // Вестник КазНУ. Серия историческая. 2011. № 1. С. 268–271.

Масов Р. К вопросу о консолидации таджикского народа и таджикистанцев // Муаррих-Историк. 2015. № 3. С. 3–8.

Ойон И. Родовая власть и советский государственный аппарат в Киргизской АССР в 1920–30-х годах // Социальная жизнь народов Центральной Азии в первой четверти XX века: традиции и инновации. Ташкент, 2009. С. 67–76.

Расулова Н.С. История направленности политики Коммунистической партии Узбекистана по подготовке кадров на пропаганду советской идеологии: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 2024. 72 с.

Трепавлов В.В. Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2018. 320 с.

Чеботарева В.Г. Национальная политика Российской Федерации 1925–1938 гг. М.: Гос. учреждение «Московский Дом национальностей», 2008. 831 с.

References

Amanzholova, D.A. (2025). O podgotovke kadrov upravlentsev v 1920-e gg. [On the Training of Management Personnel in the 1920s]. In *Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Istoricheskiy fakultet Natsionalnogo Universiteta Uzbekistana – 90 let: Tsentr obrazovaniya i nauki"*. Tashkent, pp. 190–193.

Amanzholova, D.A. (2025). Podgotovka partiynykh kadrov dlya Kazakhskoy ASSR: sotsialnaya mobilnost i restrukturalizatsiya obshchestva (1920–1930-e gg.) [Training of Party Cadres for the Kazakh ASSR: Social Mobility and Restructuring of Society (1920–1930s)]. In *Vestnik KazNU. Seriya istoricheskaya*. Vol. 117, No. 2, pp. 4–19.

Bolponova, A. (2013). *Istoriya i evolyutsiya klanovoy sistemy v politicheskikh protsessakh kyrgyzskogo obshchestva (XIX–XXI vv.)* [History and Evolution of the

Clan System in the Political Processes of Kyrgyz Society (19th–21st Centuries)]. Bishkek, Maxprint. 284 p.

Chebotareva, V.G. (2008). *Natsionalnaya politika Rossiyskoy Federatsii 1925–1938 gg.* [National Policy of the Russian Federation 1925–1938]. Moscow, Gos. uchrezhdeniye “Moskovskiy Dom natsionalnostey”. 831 p.

Kadyrov, Sh. (2003). “*Natsiya*” plemen: *etnicheskiye istoki, transformatsiya, perspektivy gosudarstvennosti v Turkmenistane* [“Nation” of Tribes: Ethnic Origins, Transformation, Prospects of Statehood in Turkmenistan]. Moscow. 362 p.

(2015). *Kak vesti rukovodstvo, na chto orientirovatsya? Stenogramma soveshchaniya sekretarey partorganizatsiy v TsK VKP(b) po voprosu o “bolshevizatsii natsionalnykh kadrov”.* 1926 g. [How to Lead, What to Focus On? Transcript of the Meeting of Secretaries of Party Organizations in the Central Committee of the AUCP(b) on the Issue of “Bolshevization of National Cadres”. 1926]. In *Istoricheskiy arkhiv.* No. 5, pp. 100–125.

Kulshanova, A.A. (2011). *Politika klientelizma kak odin iz aspektov natsionalnoy politiki sovetskogo gosudarstva* [The Policy of Clientelism as One of the Aspects of the National Policy of the Soviet State]. In *Vestnik KazNU. Seriya istoricheskaya.* No. 1, pp. 268–271.

Masov, R. (2015). *K voprosu o konsolidatsii tadjikhskogo naroda i tadjikistantsev* [On the Issue of Consolidation of the Tajik People and Tajikistanis]. In *Muarrikh-Istori.* No. 3, pp. 3–8.

Oayon, I. (2009). *Rodovaya vlast i sovetskiy gosudarstvennyy apparat v Kirgizskoy ASSR v 1920–30-kh godakh* [Tribal Power and the Soviet State Apparatus in the Kirghiz ASSR in the 1920s–30s]. In *Sotsialnaya zhizn narodov Tsentralnoy Azii v pervoy chetverti XX veka: traditsii i innovatsii.* Tashkent, pp. 67–76.

Rasulova, N.S. (2024). *Istoriya napravlenosti politiki Kommunisticheskoy partii Uzbekistana po podgotovke kadrov na propagandu sovetskoy ideologii* [History of the Direction of the Policy of the Communist Party of Uzbekistan on Training Personnel for the Propaganda of Soviet Ideology], Dr. hist. sci. diss. abstract. Tashkent. 72 p.

Trepavlov, V.V. (2018). *Simvoly i ritualy v etnicheskoy politike Rossii XVI–XIX vv.* [Symbols and Rituals in the Ethnic Policy of Russia of the 16th–19th Centuries]. St. Petersburg, Izdatelstvo Olega Abyshko. 320 p.